

Н. В. Работяжев

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА¹

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, консерватизм

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?»).

Круг вопросов, связанных с сущностью и формированием национальной и национально-государственной идентичности, в последнее время привлекает к себе все большее внимание исследователей. В современной России эта проблематика особенно актуальна, поскольку за два с лишним десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, российское общество так и не смогло определиться с собственной самоидентификацией. Оно остается расколотым не только в социальном, но и в ценностно-культурном отношении, а национальный консенсус вокруг базовых ценностей социально-политического бытия формируется крайне медленно.

Более того, в нашей стране существует несколько политических субкультур, в рамках которых сложились самостоятельные образы российской идентичности. С некоторой долей условности можно сказать, что таких образов три: либерально-гражданский (западнический), советский и национал-консервативный. Первый из них базируется на представлении о России как о европейской стране, основой национально-государственной идентичности которой должна служить идея российской гражданской нации; второй — на сформировавшемся в СССР типе идентификации. Но ответить на вопрос, какой видят российскую идентичность отечественные консерваторы, не так просто — несмотря на то что в рамках консервативной рефлексии проблеме российской идентичности уделяется первостепенное внимание. Эта трудность вызвана как многомерностью самого феномена российского консерватизма, так и его недостаточной изученностью. И хотя в первом десятилетии XXI в. в российском обществе произошел явный поворот к консервативным идеям и ценностям, ясности относительно того, что есть отечественный консерватизм, прибавилось не намного... Как справедливо отмечает Л. В. Поляков, «адекватный по своей всесторонности и методологической обоснованности анализ современного его состояния — очевидная лакуна в российской политической науке»².

Однако именно поэтому изучение консервативной трактовки национально-государственной и культурно-цивилизационной идентичности

² Поляков 2012: 43.

России и представляет особенный интерес. Оно может не только способствовать более адекватному пониманию феномена российского консерватизма, но и внести свой вклад в дискуссию о российской национальной идентичности.

Отечественный консерватизм является многоплановым и многослойным феноменом. Хотя подавляющему большинству отечественных консерваторов присуще отношение к традиции как к высшей ценности, между ними не было и нет полного согласия по поводу того, что считать аутентичной российской традицией и что в нашей стране заслуживает сохранения. Не случайно в российском консерватизме всегда выделялось несколько направлений — славянофилы и государственники-охранители, «сменовеховцы» и национал-консерваторы, «белые» и «красные» патриоты... Ту же картину мы наблюдаем и сегодня, когда в России существует три основных консервативных течения — национал-консерватизм, левый консерватизм (представленный прежде всего «государственно-патриотическим» крылом КПРФ) и бюрократический консерватизм «партии власти». На характер отечественного консерватизма сильное влияние оказало и то обстоятельство, что в результате «великих потрясений» XX в. в России была разрушена не только традиция вообще, но и традиция консервативной рефлексии, а консервативная мысль на протяжении нескольких десятилетий могла развиваться только в русском зарубежье. Поэтому становление отечественного консерватизма не шло по линии органического, эволюционного развития.

Тем не менее можно говорить об определенной преемственности консервативной мысли в нашей стране. Главные ценностные ориентиры российского консерватизма всегда оставались, в общем, одними и теми же: нация, семья, православие, традиция, сильное централизованное государство («державность»), приоритет духовных ценностей перед материальными и национально-государственными интересами перед универсалистскими проектами, социальная солидарность («соборность»), самобытность. Русские консерваторы, как правило, склоняются к соборно-органическому пониманию общества и не приемлют либеральный индивидуализм и рационализм. Для них также характерны представление об «особом» (не западном) историческом пути нашей страны, противопоставление России и Европы (переходящее порой в антизападничество), вера в мессианское призвание России в мире.

Важно отметить, что отличительной чертой консервативной мысли (не только российской, но и западной) является довольно скептическое отношение к идее «универсального человечества», замещающего все те идентичности, с которыми связано существование каждого человека³. Для консервативного мышления человек, взятый «сам по себе», как член человеческого рода, — фикция, абстракция; человек, с точки зрения консерваторов, всегда выступает частью определенной общности. «Человека в отдельности нет; человек везде есть часть какой-нибудь живой связи, какой-нибудь общественной организации... — утверждал,

³ См. Рормозер 1996: 282—283.

например, русский консерватор-государственник М.Н.Катков. — Человек, взятый отдельно от среды, — есть не более как фикция или отвлеченность»⁴. Не отвлеченно-универсальное, а конкретно-локальное; не универсальное человечество, а многообразие цивилизаций, наций, культур; не абстрактный космополитический индивид, а человек, конституированный и, так сказать, «пропитанный» культурой, традициями и институтами общества, к которому он принадлежит⁵, — таковы отправные точки консервативного мышления.

⁴ Цит. по: Паинс 2008: 158.

⁵ См. Веллмер 1991: 13.

Неудивительно, что национально-государственная и культурно-цивилизационная идентичность — излюбленная тема консервативной рефлексии. Сказанное в полной мере относится и к российским консерваторам, причем, пожалуй, даже в большей степени, чем к западным. Проблема российской идентичности, российской самобытности, «особого пути» России издавна находилась — и до сих пор остается — в фокусе внимания отечественных философов и публицистов консервативного толка.

Современный российский консерватизм не может быть понят в отрыве от всей традиции консервативной рефлексии в России и в русском зарубежье. Поэтому, прежде чем перейти к анализу трактовки российской национально-цивилизационной идентичности современными теоретиками консерватизма, необходимо сделать краткий экскурс в историю отечественной консервативной мысли.

У истоков отечественного консерватизма

Формирование консервативной мысли в России началось в первой половине XIX в., и уже в то время в отечественном консерватизме намечились два основных течения — государственно-охранительное и славянофильское. Хотя между ними и существовали определенные точки соприкосновения (и «охранители», и славянофилы верили в самобытный исторический путь России и выступали против перенесения на российскую почву западных институтов), представители этих направлений по-разному трактовали ключевые ценности российской цивилизации и расходились по вопросу о том, что из них прежде всего нуждается в сохранении. Для консерваторов-государственников важнейшей ценностью было сильное самодержавное государство, тогда как для славянофилов — духовное и социокультурное своеобразие русского народа, его неповторимый облик.

Идеология государственно-охранительного консерватизма делала главный упор «на выявление сущности и особенностей российской государственности и ее самобытной формы — самодержавия» и опиралась в первую очередь на традицию мощного централизованного государства⁶. Основоположником этого направления отечественного консерватизма был известный историк Н.М.Карамзин, который, по словам политолога Э.Г.Соловьева, «определил, в широкой исторической перспективе, основную тему „охранительного“ течения нашей консервативной мысли — противостояние российской самодержавной

⁶ Гусев 2001: 45.

⁷ Соловьев 1997:
139.

государственности революционной буре и интеллектуальному натиску, идущим из Европы»⁷. Позднее охранительные идеи развивали министр народного просвещения (1833—1849) граф С.С.Уваров, историк М.П.Погодин, литератор С.П.Шевырев. Именно Уваровым была сформулирована знаменитая триада «православие, самодержавие, народность», которая легла в основу теории официальной народности — идеологического фундамента Российской империи в период царствования Николая I.

Формула Уварова была призвана подчеркнуть коренное отличие России от Западной Европы, пораженной, с точки зрения консерваторов-охранителей, рационализмом и индивидуализмом и раздираемой классовыми конфликтами. При этом в рамках теории официальной народности акцент делался на втором элементе уваровской триады — самодержавии, сильном централизованном государстве, которое рассматривалось в качестве надклассовой силы, защищающей интересы всех сословий Российской империи. Более того, в глазах консерваторов-охранителей монархическое государство предстало главным двигателем исторического развития России.

Стоит отметить, что триада «православие, самодержавие, народность» оказала сильное влияние на российскую консервативную мысль, в особенности «державного», имперско-государственнического толка. Консерваторы-государственники последующих эпох видели в ней адекватное выражение духовной основы российской цивилизации. Так, даже по мнению лидера КПРФ Г.А.Зюганова, формула Уварова «отражает существенные инварианты, пронизывающие собой различные и даже противоположные по своей форме периоды развития российской государственности. В иную историческую эпоху они нашли выражение в таких, например, формулах, как „союзное многонациональное государство“ с единой „руководящей и направляющей силой“ во главе; „морально-политическое единство советского общества“; „советский народ как новая историческая общность“»⁸.

⁸ Зюганов 1993:
196.

В противовес консерваторам-охранителям, славянофилы ставили во главу угла первый и третий элементы уваровской триады, то есть православие и народность (под которой мыслители этого направления понимали «личность народа», «народный облик»⁹). Что касается государства, то оно рассматривалось ими лишь как инструмент сохранения и развития народности. Иными словами, в фокусе внимания славянофилов находилась прежде всего русская национальная, религиозная, социально-культурная идентичность. Виднейшими представителями этого направления консервативной мысли были А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, И.С. и К.С.Аксаковы, Ю.Ф.Самарин.

⁹ Аксаков 2012:
523—524.

Славянофилы разделяли представление о принципиальном отличии российской цивилизации от западноевропейской и об особом, незападном историческом пути России. «Подражание Западу — гибельно для нас, — писал К.Аксаков. — ...У нас другой путь, наша Русь — святая

¹⁰ Цит. по: Цимбаев 1986: 162, 155.

Русь»¹⁰. Русский народ, полагали славянофилы, является носителем высших христианских начал, искаженных на Западе. Преимущество России перед Западом связывалось ими не только с православием, якобы сохранившим, в отличие от католицизма и протестантизма, первоначальную чистоту христианства, но и с сельской общиной, воплощавшей соборное начало.

¹¹ Пайнс 2008: 144.

Славянофилы были убеждены, что Запад с его социальной атомизацией, эгоизмом, рационализмом, материализмом и погоней за комфортом гниет и разрушается. На смену ему должен прийти молодой русский мир. Историческая миссия России в их глазах заключалась в том, чтобы «послужить миру моделью для разрешения терзающих его разногласий»¹¹, сказать человечеству «новое слово», принести духовное обновление.

¹² См. Киреевский 1997: 713—716.

Самые основы западной и русской цивилизаций, считали славянофилы, принципиально различны. Если на Западе государство возникло насильственным путем, то в древней Руси оно появилось в результате естественного и органического развития национальной жизни. Средневековое русское общество, по их убеждению, базировалось на общинном землевладении, было единодушным и не знало характерных для европейского средневековья социальных и политических конфликтов. В свою очередь буржуазная Европа XIX в. представлялась им атомистически-рационалистической, утратившей органическую целостность¹².

¹³ Самарин 1877: 64.

Важнейшей чертой русского социального и нравственно-духовного уклада, отличающей его от раздробленного и индивидуалистического европейского общества, объявлялась соборность, то есть гармоническое согласование личных и общественных интересов. С точки зрения славянофилов, если католицизм предполагает принудительное, авторитарное единство верующих, исключающее свободу, а протестантизм — свободу изолированных индивидов, не связанных высшим единством, то в православии осуществляется «соборный» синтез свободы и единения. Воплощение принципа соборности славянофилы находили и в русской сельской общине, ставшей «как бы светскою, исторической стороной церкви»¹³.

¹⁴ Аксаков 2012: 523.

Согласно славянофилам, реформы Петра I означали разрыв с органическими, соборными началами, на которых строился жизненный уклад московской Руси. По свидетельству К.Аксакова, суть взглядов его единомышленников сводилась к тому, «что Россия допетровская имела... свои начала, свой путь, свое стремление, что эти древние начала суть залог ее преуспевания в будущем, что живая связь с стариною, с преданием необходима... что для своего просвещения, для оживления и преуспевания (прогресса) Россия должна обратиться не к формам, конечно, но к своим древним основным началам...»¹⁴. Неудивительно, что славянофилы идеализировали и даже мифологизировали российское прошлое (что, впрочем, характерно для всех версий отечественного консерватизма).

Хотя классики славянофильства и подчеркивали наличие принципиальных различий между Россией и Европой, их все же нельзя считать радикальными антизападниками. Они не отрицали универсального единства человечества и видели всемирно-историческую миссию русского народа в том, чтобы спасти Запад от духовного кризиса, безверия, материализма. Однако враждебность философов и публицистов консервативного лагеря к Западу постоянно усиливалась, и универсалистские компоненты славянофильского мировоззрения вытеснялись культом державной мощи. Связующим звеном между идеями старых славянофилов и позднейшим национал-консерватизмом стала историко-философская концепция Н.Я.Данилевского.

Воззрения Данилевского, изложенные в его главном труде «Россия и Европа» (1869), во многом предвосхитили концепции локальных цивилизаций О.Шпенглера и А.Тойнби. Общечеловеческой цивилизации нет и не может быть, доказывал философ, и европейская цивилизация ни в коей мере не тождественна общечеловеческой. Существуют только самобытные цивилизации, или «культурно-исторические типы», каждый из которых неизбежно проходит стадии рождения, роста, цветения и увядания. Европа, то есть германо-романская цивилизация, клонится к упадку, и на смену ей идет цивилизация славянская¹⁵.

¹⁵ Данилевский 1995: 74, 78, 97—104, 138.

Данилевский не только постулировал, что в культурно-историческом отношении Россия не является составной частью Европы, но и утверждал, что последняя видит в Руси и славянстве чуждое и враждебное себе начало. «Враждебность Европы слишком очевидна, — писал он, — она лежит не в случайных комбинациях европейской политики... а в самых основных ее интересах»¹⁶. Согласно его заключению, Россия не может быть членом сообщества европейских государств и должна быть противовесом Европе. Более того, он предсказывал неизбежную борьбу России с Европой¹⁷.

¹⁶ Там же: 340.

¹⁷ Там же: 337, 369.

Всемерное укрепление российских традиционных начал и самобытное — то есть прежде всего незападное, нелиберальное — развитие страны отстаивал также ученик и последователь Данилевского К.Н.Леонтьев. Историческое призвание России, считал он, состоит в том, чтобы противостоять разлагающейся Европе и преграждать путь либерально-эгалитарному прогрессу, стирающему любое национальное своеобразие, но выполнить эту миссию она сможет, лишь если упрочит свои консервативно-византийские устои — монашески-аскетическое православие, монархическую государственность и крестьянскую общину — и культурно отделится от Запада. С точки зрения Леонтьева, русским «*надо совершенно сорваться с европейских рельсов*»¹⁸ и развивать свою собственную, оригинальную, славяно-азиатскую цивилизацию¹⁹.

¹⁸ Леонтьев 1912: 441.

¹⁹ Там же: 420.

В конце XIX в. в России начало формироваться еще одно течение консервативной мысли, которое можно назвать либеральным консерватизмом. У его истоков стоял известный русский философ В.С.Соловьев, который в молодости был близок по взглядам к славянофилам, но впоследствии претерпел определенную эволюцию в направлении

западничества. Не ставя своей целью подробно анализировать воззрения Соловьева, отметим, что в ряде своих работ мыслитель стремился дать христианское обоснование идеям политического либерализма и социального прогресса.

Соловьев жестко критиковал славянофилов и их эпигонов за отторжение Запада и европейских ценностей и идеализацию допетровской Руси. «Чрез европейское просвещение русский ум открылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство»²⁰, — подчеркивал он, видя в воспевании московской Руси, якобы воплощавшей неискаженные русские начала, «преклонение перед татарско-византийскою сущностью мнимого русского идеала»²¹. Весьма критически относился он и к историософской концепции Данилевского. По его оценке, автор книги «Россия и Европа» «стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора, осужденного, но еще не уничтоженного евангельскою проповедью»²².

²⁰ Соловьев 1989б: 578.

²¹ Соловьев 1989а: 465.

²² Там же: 335.

Работы Соловьева оказали заметное влияние на русскую философскую мысль конца XIX — начала XX в. Их воздействие отчетливо просматривается в творчестве Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, С.Л.Франка и других мыслителей либерально-консервативного толка, стремившихся к высшему синтезу славянофильства и западничества, национальной самобытности и универсализма, российских исторических начал и индивидуальной свободы. Именно этим духом был проникнут знаменитый сборник «Вехи» (1909). Позднее, в 1930-е годы, близкие к либеральному консерватизму идеи развивали философы-эмигранты, публиковавшиеся в парижском журнале «Новый Град».

Консерватизм русского зарубежья

После Октябрьской революции 1917 г. русская консервативная мысль могла развиваться только за пределами России. В те годы ряд философов-эмигрантов продолжил традицию отечественной консервативной рефлексии, однако в силу понятных причин их консерватизм не мог быть ничем иным, кроме как сугубо интеллектуальным феноменом. Он «был лишен самого главного, в чем нуждается консерватизм не как отвлеченная мысль, а как живая традиция, — национальной почвы»²³.

²³ Поляков 2012: 38.

В 1920—1930-е годы в русском зарубежье оформились два основных консервативных течения: «белый» (правый) консерватизм, адепты которого считали революцию 1917 г. разрывом с российской традицией, и «пореволюционный» (левый) консерватизм, сторонники которого полагали, что традиция может быть в той или иной степени совмещена с признанием революции. Наиболее репрезентативным выразителем установок «белого» консерватизма был И.А.Ильин, «пореволюционно» — Н.В.Устрялов.

²⁴ Ильин 1992: 107.

²⁵ Там же: 238.

²⁶ См., напр. Ильин 1992: 255.

Подобно другим правым консерваторам, Ильин являлся безоговорочным противником большевизма. Он рассматривал революцию 1917 г. как катастрофу, «величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение»²⁴ и полный разрыв с российской национально-государственной и культурной традицией, категорически протестуя против отождествления Советского Союза (который он именовал не иначе как «Советией») с исторической Россией. Настаивая на цивилизационной самобытности последней, Ильин объявлял абсолютно чуждыми ей рожденные на Западе идеи социализма, либеральной демократии, федерализма. Рецепция западноевропейских институтов казалась ему не только ненужной, но даже губительной для России как «единого живого организма», который должен выработать свою собственную политическую организацию, вытекающую из русских традиций²⁵. При этом Ильин был убежден в неизбывной враждебности Запада по отношению к России и в своих работах постоянно упоминал о происках антироссийской «мировой закулисы»²⁶.

Идеи Ильина оказали заметное влияние на консервативную мысль в посткоммунистической России, причем не только на «белую», национально-патриотическую, но и на левоконсервативную, — ссылки на них можно найти даже у Зюганова.

Вместе с тем в русском зарубежье возникло и совершенно иное — левое — направление консервативной мысли, представители которого видели в большевизме не разрыв с традицией, а новый шаг в поступательном историческом развитии России. Более того, Октябрьская революция 1917 г. и коммунизм нередко трактовались ими как проявление российской самобытности и русского мессианизма, как своеобразное искание социальной «правды».

Самыми известными версиями левого консерватизма, сформировавшимися в эмиграции и повлиявшими на последующую консервативную мысль в стране, были национал-большевизм («отцом-основателем» которого стал Устрялов) и евразийство.

Эмигрировавший после поражения Белого движения в Харбин философ и правовед Устрялов может рассматриваться как один из важнейших предшественников современного отечественного левого консерватизма. Убежденный государственник, чьи взгляды складывались под влиянием славянофилов, Леонтьева и Ж. де Местра, он уже в 1921 г. (в знаменитом сборнике «Смена вех») заявил: только большевистская власть способна восстановить российское великодержавие, и потому она заслуживает поддержки со стороны русской патриотической интеллигенции²⁷. В противовес правым консерваторам, Устрялов утверждал, что Октябрьская революция носит национальный характер, будучи неразрывно связана с рядом течений русской мысли (от А.И.Герцена до славянофилов и Ф.М.Достоевского), и считал, что большевистское руководство в 1920-е годы вступило на путь «национализации Октября» и постепенно трансформируется в национальную русскую власть²⁸. Неудивительно, что его отношение к политике И.В.Сталина было

²⁷ Устрялов 1999: 181—190.

²⁸ Устрялов 2003: 144—145.

достаточно позитивным — в сталинской диктатуре он усматривал продолжение русской государственной традиции.

Харбинский философ разделял веру Леонтьева и Достоевского в то, что Россия даст миру новую культуру, которая придет на смену западной. По его словам, «на вечереющем фоне западной культуры „русский сфинкс“ выделяется теперь едва ли не лучом всемирной надежды»²⁹. Но, в отличие от «белых» консерваторов, Устрялов полагал, что то «новое слово», которое Россия принесет миру, будет связано с идеями Октябрьской революции и коммунизма.

Другой «пореволюционной» идеологией, сохранившей свое значение по сей день, было евразийство. Это идейное направление формировалось под сильным влиянием Данилевского и его концепции «культурно-исторических типов» и извечного противостояния славянского и германо-романского миров. В фундаменте евразийского учения лежало представление о грядущем «закате Европы», отрицание европоцентризма и утверждение самобытного исторического пути России и православия как религиозно-нравственной основы русской культуры. Согласно евразийцам, трактовка России как европейской страны в корне ошибочна; Россия — это особый культурно-географический мир, чьи судьбы не связаны с судьбой стран ни к западу (Европа), ни к югу и востоку (Азия) от него (хотя тяготеет он скорее к Азии). Поэтому она не должна воспроизводить европейскую модель развития, у нее свой собственный путь и собственное предназначение. Считая Европу смертельным врагом Евразии, евразийцы не просто отбрасывали мысль о европейской идентичности России, но осуждали весь послепетровский, Санкт-Петербургский период русской истории. С их точки зрения, ориентация на превращение России в великую европейскую державу и воплощение в ней идеалов европейской цивилизации органически чужда русскому народу³⁰.

Отношение евразийцев к Октябрьской революции носило двойственный характер. С одной стороны, они расценивали ее как катастрофу, с другой — находили в ней и положительные черты, ведь она прервала гибельный процесс европеизации России и положила начало ее «повороту к Востоку»³¹.

Важно отметить, что, в отличие от славянофилов, евразийцы утверждали миссию не столько славянского мира, сколько евразийского. «Свой национализм, — декларировали они, — мы обращаем как к субъекту не только к „славянам“, но к целому кругу народов „евразийского“ мира, между которыми народ российский занимает срединное положение»³². Подчеркивая историческую и духовную общность народов Евразии, теоретик евразийства князь Н.С.Трубецкой писал: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее

²⁹ Там же: 247.

³⁰ См. Трубецкой 1925.

³¹ См. Евразийство 1999: 261.

³² Предисловие 1999: 241.

³³ *Мир России*
1995: 196.

территорию — Евразией, ее национализм — евразийством»³³. Таким образом, евразийцы трактовали русскую идентичность в «имперском», на-
дэтническом ключе. Именно поэтому в 1990-е годы их взгляды оказали
определенное влияние на идеологов социал-консерватизма, привлечен-
ных сходством евразийского национализма с «советским патриотиз-
мом», то есть советским имперским национализмом.

Наконец, наряду с правым и левым консерватизмом, в русском
зарубежье присутствовал и либеральный консерватизм, хотя по свое-
му влиянию эта версия консервативной идеологии заметно уступала
двум предыдущим. Как уже упоминалось, консервативные идеи, вклю-
чавшие в себя либеральные и даже в какой-то мере социалистические
компоненты, развивались эмигрантскими философами, группировав-
шимися вокруг журнала «Новый Град» (1931—1939). К «новоградцам»
относились Г.П.Федотов, Ф.А.Степун, И.И.Бунаков-Фондаминский,
Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков и др. Мыслители этого направления, про-
должавшие традиции Соловьева, стремились раскрыть социальную
проекцию православия, дать христианское обоснование политическому
либерализму и прогрессивным социальным реформам. «...Признание
свободы личности отделяет нас от большинства так называемых поре-
волюционных течений русской политической мысли... — отмечалось
в 1-ом номере „Нового Града“. — В охране свободы, как драгоценного
завещания XIX века, мы занимаем позицию консерваторов»³⁴.

³⁴ *Новый Град*
1931: 6.

Будучи приверженцами индивидуальной свободы и демократичес-
кого правового государства, «новоградцы», естественно, не могли раз-
делять традиционные антизападнические и изоляционистские установ-
ки российских консерваторов. Так, редактор «Нового града» Федотов не
только отстаивал идею европейской федерации, но и доказывал, что
после крушения советского коммунистического режима в нее должна
войти и Россия. Политическую и культурную автаркию нашей страны
он считал вредной утопией и даже изменой русской идее³⁵. Что касается
русской идентичности, то, по мнению Федотова, «Россия не чисто
европейская держава. Но она, во всяком случае, и не чисто азиатская»³⁶,
ибо христианство и связанная с ним греко-римская традиция «роднили
Русь с христианским Западом даже тогда, когда она не хотела и слышать
об этом родстве»³⁷. А такой известный «новоградец», как Степун, утвер-
ждал, что хотя Россия как Восточная Европа, несомненно, отличается
от Западной, в качестве культурного мира она относится именно к Ев-
ропе, а не к Азии, и был согласен с Достоевским, что у русского челове-
ка два отечества — Россия и Европа³⁸.

³⁵ *Федотов 1992а:*
228.

³⁶ *Там же:* 228—
229.

³⁷ *Федотов 1992б:*
278.

³⁸ *Степун 1999:*
411.

Развивавшаяся философами-«новоградцами» версия консерватиз-
ма по ряду параметров близка к идеологии возникших в послевоен-
ные годы христианско-демократических партий ФРГ и Италии. Однако
в посткоммунистической России либеральный, «веховско»-«новоград-
ский», консерватизм, в отличие от «белого» и «пореволюционного», ос-
тался практически невостребованным и не оказал заметного влияния на
консервативную мысль.

**Современный
левый
консерватизм:
социализм
как часть
традиции**

Годы перестройки и постперестройки стали временем возрождения российского консерватизма. В качестве рупоров консервативной мысли выступили освобожденные от цензуры журналы «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», причем тема национально-государственной и цивилизационной идентичности России заняла на их страницах одно из ключевых мест. Тогда же в России возник целый ряд партий и организаций, апеллировавших как к левому, социальному (и даже социалистическому), так и к правому, «белому» консерватизму. Разделяло их прежде всего отношение к советской традиции.

Левый консерватизм, одним из духовных истоков которого был национал-коммунизм «русской партии» в КПСС, превратился в 90-е годы прошлого века в достаточно распространенный вариант консервативного мировоззрения. Именно эта версия консерватизма легла в основу идеологии доминирующей в КПрФ «державно-патриотической» фракции (Г.А.Зюганов, Ю.П.Белов). Социал-консервативных установок придерживается и примыкающее к компартии движение «Русский Лад», созданное в 2012 г. Среди теоретиков левого консерватизма заслуживают упоминания А.И.Подберезкин, С.Г.Кара-Мурза, И.Я.Фроянов, С.Е.Кургинян, Л.Г.Ивашов, А.А.Проханов. Кроме того, социал-консервативные взгляды в той или иной мере разделяют многие члены Изборского клуба, объединяющего интеллектуалов-государственников.

Левоконсервативный мировоззренческий комплекс может быть описан следующим образом. Россия — это особый мир, самобытная цивилизация, отличающаяся от западной. Ее духовные основания носят общинно-коллективистский характер, для нее органичны такие ценности, как социальная справедливость, коллективизм, солидарность, взаимопомощь, поэтому русский народ едва ли не генетически предрасположен к социализму. Вместе с тем одной из ключевых ценностей российской цивилизации является сильное государство («державность»). Социал-консерваторы убеждены, что Октябрьская революция 1917 г. была не разрывом с традицией, но ее восстановлением и продолжением и коммунистический проект вполне вписывается в российскую социокультурную матрицу. Советский строй, считает, в частности, Кара-Мурза, естественно, органически вырос из крестьянской общины, аграрного крестьянского коммунизма³⁹.

Левые традиционалисты нередко постулируют если не тождество, то, по крайней мере, сходство православных и советско-социалистических ценностей и идеалов. «И церковь, как носитель христианской нравственности, и Советы, основывающие свое мировоззрение на социалистических ценностях, исповедовали одни и те же принципы народной жизни, воспитывали один и тот же архетип человека (общинность, соборность, братское отношение к ближнему, неприязнь к стяжательству, готовность к самопожертвованию во имя высшей идеи)», — утверждает генерал Ивашов⁴⁰. По мнению левых консерваторов, СССР сохранил и геополитические устремления Российской империи, переплотив

³⁹ Кара-Мурза 2012.

⁴⁰ Ивашов 2013: 174.

мессианскую идею «Третьего Рима» в идею построения социально справедливого мира на глобальном уровне⁴¹.

⁴¹ Там же: 172.

В рамках социал-консервативной парадигмы «реальный социализм» трактуется как проявление цивилизационной самобытности России. Как отмечает, например, Фроянов, советская модель социализма — это «сугубо российский вариант общественного строя, возможный только в России, представляющей особую славяно-русскую цивилизацию»⁴². Левые консерваторы, как правило, позитивно оценивают историческую роль Сталина, который, правда, предстает в их глазах не революционером и марксистом-ленинцем, а государственным, восстановителем традиционных российских устоев, строителем могучей империи.

⁴² Фроянов 2007: 145—146.

С точки зрения приверженцев левого консерватизма, существует неразрывная преемственность между всеми этапами развития Российского государства — московской Русью, Российской империей и Советским Союзом. Они преисполнены ностальгии по советской цивилизации, которая нередко представляется им высшим достижением цивилизации российской. Социал-консерваторы убеждены, что СССР был разрушен в результате происков «мировой закулисы», и выступают за его восстановление в обновленном виде. Неудивительно, что их национализм носит преимущественно имперский, государственный характер. Левоконсервативный дискурс не только не усматривает никаких противоречий между советской и русской идентичностью, но и фактически ставит знак равенства между понятиями «советский» и «русский», отождествляя антисоветизм с русофобией. Так, согласно теоретику государственно-патриотического крыла КПРФ Белову, «удары по нравственно-духовным ценностям советского народа — это удары по ценностям прежде всего русской духовности»⁴³.

⁴³ Белов 2010.

Определенную роль в мировоззрении левых традиционалистов играют и евразийские идеологи. Их привлекательность для консерваторов этого толка, по-видимому, обусловлена сходством евразийского национализма — то есть национализма евразийского суперэтнуса — с привычным им «советским патриотизмом».

Российскому миру, полагают левые консерваторы, противопоставит совершенно чуждая ему западная либерально-буржуазная цивилизация, мир эгоизма, потребительства и господства денег, находящийся в состоянии кризиса и упадка. В отличие от славянско-православного мира, цивилизационным кодом которого выступает совесть, проявляющаяся в чувстве справедливости, код западной цивилизации — выгода, материальное благополучие⁴⁴. Для евроатлантической цивилизации Россия — извечный геополитический противник, поэтому в основе враждебности Запада по отношению к СССР лежали не идеологические, а геополитические факторы. Противостояние России и Запада нередко рассматривается сквозь призму сформулированной британским геополитиком Х.Макиндером идеи о противостоянии континентальной и морской цивилизаций. «Россия — центр континентального мира... —

⁴⁴ Ивашов 2013: 228, 233.

пишет, например, Ивашов. — США после Второй мировой войны стали центром морской цивилизации. И это вечное противоборство не исчезнет»⁴⁵.

⁴⁵ Там же: 357.

Важнейшая цель Запада в этом противоборстве, по мнению левых державников (впрочем, здесь с ними солидарны и многие консерваторы правого направления), состоит в разрушении русского духовного пространства, русской православной идентичности⁴⁶. Как утверждает лидер движения «Русский Лад» В.С.Никитин, главная задача западной стратегии — «уничтожить русский цивилизационный код России»⁴⁷. Естественно, что социал-консерваторы являются безоговорочными противниками глобализации, ведущей в их глазах к унификации и стандартизации всех национальных культур.

⁴⁶ Там же: 235—236.

⁴⁷ Никитин 2012.

Соответственно, левые консерваторы негативно относятся к любым попыткам либеральной модернизации России. Она трактуется ими как разрушение русских и советских традиций, духовно-нравственных ценностей, российской идентичности вообще. Русские, с их точки зрения, — в принципе антибуржуазный народ, не приемлющий индивидуализма и «свято хранящий ценности общинного коллективистского образа жизни»⁴⁸. «...Среди русских, — пишет Зюганов, — коммунистический идеал и преданность социалистической перспективе сохраняются в наибольшей мере. Сверх того, они слились с национальными ценностями: коллективизмом, приоритетом государственности, презрением к несправедно нажитым деньгам, жадной социальной справедливости...»⁴⁹

⁴⁸ Зюганов 2007: 4.

⁴⁹ Там же: 28—29.

Таким образом, левоконсервативное мировоззрение восходит как к коммунистическому «неославянофильству» «русской партии» 1970-х годов и евразийству, так и к государственно-охранительному консерватизму. То, что идеология державно-патриотической фракции в КПРФ унаследовала ряд идей консерваторов XIX в., признает и сам Зюганов. Так, в его работе «Россия и современный мир» говорится: «Особое значение при анализе отечественной теории цивилизаций имеют исследования представителей так называемого „консервативно-охранительного“ лагеря Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева»⁵⁰. А эпиграфом к своей книге «География победы» лидер КПРФ поставил слова Ильина: «Россия есть организм природы и духа — и горе тому, кто ее расчленяет!»⁵¹, тем самым солидаризовавшись с характерным для консервативного мировосприятия органическим пониманием нации.

⁵⁰ Зюганов 1995: 14—15.

⁵¹ Зюганов 1997: 5.

Возрождение славянофильства: национал- консерватизм

Наряду с левым, в современной России существует и правый, «белый» консерватизм. В 1990-е — начале 2000-х годов наиболее известными авторами, работавшими в этой парадигме, были писатель А.И.Солженицын и философ А.С.Панарин. К числу теоретиков правого консерватизма можно отнести В.В.Аксючица, И.Р.Шафаревича, Н.А.Нарочницкую, В.Н.Осипова, А.С.Ципко и некоторых других. В первой половине 1990-х годов в России появилось несколько право-

консервативных политических партий — Российское христианское демократическое движение Аксютчица, Союз «Христианское возрождение» Осипова, Конгресс русских общин Д.О.Рогозина, Социал-патриотическое движение «Держава» А.В.Рущкого; с определенными оговорками к ним можно причислить и Российский общенародный союз (РОС) С.Н.Бабурина. Однако уже к началу нынешнего века все они оказались вытеснены на периферию политической жизни. В настоящее время правый консерватизм в России представлен только в виде интеллектуального течения, лишённого партийно-политического воплощения.

Важнейшее отличие этой версии современного российского консерватизма от рассмотренной выше заключается в том, что «белые» консерваторы считают себя наследниками не советской, а прежде всего дореволюционной России. Они видят в Октябрьской революции 1917 г. и коммунизме не органическое продолжение русской традиции, но радикальный разрыв с ней. Коммунизм обычно трактуется ими как импортированный с Запада проект европейского Модерна, не имевший корней в русской истории и культуре. Так, Панарин объявляет большевиков «образцом радикального западничества левого (даже ультралевого) толка», доказывая, что «марксистская идеология стала для Запада тем тараном, с помощью которого разрушался социокультурный базис военного противника»⁵².

⁵² Панарин 1997.

Для «белых» консерваторов большевики не восстановители Российского государства, но разрушительная и враждебная исторической России сила. По мнению Нарочницкой, Россия была нужна большевикам лишь «в качестве „вязанки хвороста“ для пожара мировой революции и для социального и идеологического экспериментирования»⁵³. В рамках правоконсервативного подхода коммунизм рассматривается как попытка унифицировать, обезличить все национальные культуры, что сближает его с неолиберализмом⁵⁴. Понятно, что правые консерваторы не отождествляют русскую идентичность с советской. «Противоестественное соединение „русскости“ и „коммунистичности“», — так еще в 1970-е годы Солженицын характеризовал национал-коммунистическую линию журнала «Молодая гвардия»⁵⁵. Впрочем, не все представители данного направления столь категоричны в неприятии коммунизма — среди них есть и те, кто не считает годы коммунистического правления сплошной «черной дырой» и признает определенные достижения советского периода.

⁵³ Нарочницкая 2003: 217.

⁵⁴ Там же: 269—272.

⁵⁵ Солженицын 1996: 234.

Если левые консерваторы — прежде всего имперские националисты, «государственники» (и в этом смысле продолжатели традиций государственно-охранительного консерватизма XIX в.), то правые в большей степени опираются на славянофильскую традицию и тяготеют скорее к русскому национализму. В центре их рефлексии находится не столько держава (хотя они тоже поддерживают идею сильного государства), сколько этнокультурное своеобразие русского народа, его идентичность, основой которой объявляется православие. Причем, как и у классиков славянофильства, в иерархии ценностей современных

правых консерваторов православие и народность стоят выше государственности. Например, историк С.М.Сергеев критикует самодержавие за то, что, «гоняясь за миражами внешнеполитического могущества, оно забыло про основу империи — русских, помешав им вовремя превратиться в нацию эпохи Модерна, не сформировав у них единую национальную идентичность, продолжая держать их в плену социальной архаики»⁵⁶. Важно также отметить, что правые консерваторы подчеркивают государствообразующую роль русского народа в России.

⁵⁶ Сергеев 2010: 188.

В связи с этим сторонников данной позиции можно, как представляется, именовать национал-консерваторами. В то же время их национализм носит, как правило, умеренный характер, будучи подчинен высшему принципу соборности, требующему сплоченности и гармонического единства всех, кто входит в российское общество.

Правые консерваторы обычно не рассматривают нацию как этно-биологическую категорию, для них это в первую очередь духовное, культурное единство. «Национальность не непременно в крови, — писал, например, Солженицын, — а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности»⁵⁷. Таким образом, подход национал-консерваторов к проблемам нации и национализма в целом укладывается в рамки «этнокультурной» трактовки (рассматривающей нацию как общность людей одной культуры, объединенную в своем государстве). Главными атрибутами русской нации, с точки зрения представителей данного направления, являются русский язык и русская культура⁵⁸. Вместе с тем в этой версии национализма нередко присутствует и государственный компонент. В этом отношении весьма показательны слова лидера РОС Бабурина: «Я никогда не считал русскую идею идеей этнической. Это не этническая идея. Это идея державная, основанная на русской культуре и русском языке»⁵⁹.

⁵⁷ Солженицын 1998: 174.

⁵⁸ См. Шестаков 2003: 52, 54.

⁵⁹ Бабурин 1999: 446.

Неудивительно, что к евразийству (которое, по их мнению, при-нижает роль русского народа в России и грозит подорвать русскую идентичность) «белые» консерваторы относятся в основном негативно: «...Нет никакой Евразии как единого историко-географического мира с какой-то выдуманной единой евразийской культурой, а есть русский народ и русская культура... объединившие в своих границах разнообразные европейские и азиатские народы»⁶⁰. Соответственно, им отнюдь не кажется желательным восстановление Советского Союза в его прежних пределах, ибо «это верный путь уже навсегда забить и заглушить русский народ»⁶¹. Геополитические устремления правых консерваторов направлены главным образом на воссоединение (или, по меньшей мере, интеграцию) России со славянскими и православными Украиной и Белоруссией. Более того, часть национал-консерваторов видит в распаде СССР определенные плюсы, поскольку, обретя суверенитет, Россия отошла от имперской формы своего бытия и приблизилась к национальному государству⁶².

⁶⁰ Сергеев 2010: 82.

⁶¹ Солженицын 1995: 90.

⁶² См. Мантиков 2012: 43

Подобно консервативным философам XIX в., современные национал-консерваторы делают акцент на цивилизационной самобытности

России. По мнению Бабурина, Россия есть государственно-правовая форма русской цивилизации, главными чертами которой являются: особый, преимущественно общинный тип хозяйства при многоукладной экономике; культура, пронизанная соборностью; братское единство восточнославянских народов как историческая основа российской государственности; равноправные и равнодостоинные взаимоотношения мировоззрений, религий и вероисповеданий при ведущей роли православия⁶³. Как справедливо отмечает отечественный исследователь С.А.Шестаков, бабуриновская характеристика русской цивилизации, вполне согласующаяся «со славянофильской парадигмой и другими развивающимися ее российскими консервативными концепциями», весьма типична для «современной российской консервативной идеологии»⁶⁴.

⁶³ Шестаков 2003: 54.

⁶⁴ Там же.

Как и их идейные предтечи, «белые» патриоты подчеркивают отличие русской цивилизации от евроатлантической, видя в православной России воплощение начал, почти во всем противоположных «культурному коду» Запада. Западная техническая цивилизация, утверждают они, осуществляет редукцию всех высших ценностей: она сводит дух к материи, духовную жизнь — к телесно-чувственной, культуру — к социальным технологиям, нравственность — к праву, искусство — к коммерческим зрелищам и «шоу», полноту национальной жизни и культуры — к интернациональным стандартам мышления, потребления и поведения. Западная цивилизация «вселяет безвдохновенный, технорационалистический „дух“ всеобщего упрощения, опошления и усреднения по единым стандартам внешней жизни и превращает людей в однородные кубики для внешнего манипулирования»⁶⁵.

⁶⁵ Миняйло 2013.

Россия противопоставляется технологическо-потребительскому западному обществу как носитель традиций, духовности, нравственности, соборно-органических начал, иными словами, национальной системы ценностей, основанных на православии. Так, консервативный публицист Е.С.Холмогоров связывает противоположность западной и русской цивилизаций с тем, что в их фундаменте лежат разные типы действия — целерациональное и ценностно-рациональное (в терминологии М.Вебера). Основу западного капитализма, согласно Холмогорову, составляет целерациональное действие: субъект ставит перед собой четкую цель и стремится ее достичь; внешний мир и другие люди являются для него только лишь средствами. Русская же цивилизация «строится на другом типе действия — ценностно-рациональном, для которого безусловная ценность, заданный высокий социальный идеал, имеет первенствующее значение над целью и задает рациональной структуре определенное смысловое, а не только целевое содержание»⁶⁶.

⁶⁶ Холмогоров 2006: 251.

Под пером национал-консерваторов Запад предстает не только метафизическим «другим», но и источником различных угроз. Они пишут о его многовековом глубинном неприятии России «как равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с всегда собственным поиском универсального смысла мироздания»⁶⁷.

⁶⁷ Нарочницкая 2003: 214.

- Современный русский консерватизм убежден в экспансии Запада по всем возможным направлениям, в его комплексной агрессии по отношению к России⁶⁸. Проявлением этой экспансии считается глобализация, в которой национал-консерваторы усматривают прежде всего стремление Запада к повсеместному насаждению либеральных ценностей и унификации национальных культур. «Победивший либерализм берется осуществить ту же работу, которую брал на себя коммунизм: тотальную гомогенизацию мира в форме завершенной модернизации»⁶⁹, — утверждал, например, Панарин, доказывая, что глобализация в действительности представляет собой американизацию мира, разрушительную для всего своеобразного и самобытного в нем и элиминирующую все национальное — границы, традиции, менталитет, мораль, святых⁷⁰.
- Неудивительно, что развернувшиеся в посткоммунистической России процессы вестернизации встречают со стороны национал-консерваторов резкое неприятие. По мнению писателя-почвенника В.Г.Распутина, «горбачевско-ельцинская „революция“ действовала не только против коммунизма... но и против тысячелетней России с ее нравственными правилами, традициями, вековыми народными обычаями и культурой»⁷¹. Более того, либерально-рыночные реформы 1990-х годов нередко трактуются консерваторами как победа западной цивилизации над российской и даже как духовная оккупация нашей страны. «То, что с нами произошло, — настаивает Шафаревич, — это... победа одной цивилизации над другой, ей чуждой, которую надо истребить, превратить в духовную пустыню, где, как говорится, и трава не растет»⁷². Соответственно, либерализм воспринимается национал-патриотами как угроза высшим духовным ценностям российской цивилизации, а либералы-западники — как носители тотального нигилизма в отношении русской истории и православной культуры⁷³.
- Поскольку в глазах национал-консерваторов глобализация грозит не только разрушением российской самобытности, но и превращением страны в колонию, некоторые из них отстаивают идеи изоляционизма и автаркии. В противном случае, считает ветеран национально-патриотического движения Осипов, «подключение к разлагающейся западной цивилизации, к диктату международной финансовой plutократии приведет лишь к закреплению статуса России как сырьевой колонии „золотого миллиарда“»⁷⁴. Впрочем, и эта идея не нова — изолировать Россию от Европы, в том числе и экономически, предлагал еще известный дореволюционный консервативный публицист М.О.Меньшиков⁷⁵.

Таким образом, несмотря на наличие ряда общих черт (понимание России как самобытной цивилизации, органицизм, традиционализм, неприятие либеральных ценностей и вестернизации), между левой и правой версиями отечественного консерватизма имеются и существенные различия. Не случайно, характеризуя российскую идентичность, левые консерваторы делают акцент прежде всего на ее

имперской (евразийской, советской) и «державной» составляющих, в то время как национал-патриоты в большей степени подчеркивают ее русские и православные черты.

Официальный консерватизм: новая версия «охранительства»

В современной России существует и еще одна форма консерватизма — «властный», или номенклатурный (бюрократический), консерватизм, представленный «Единой Россией». В настоящее время именно эта версия консерватизма доминирует на российской политической сцене. Идеологии «партии власти» присущ ряд характерных для отечественных консерваторов черт — единороссы отстаивают российскую самобытность, выступают против перенесения в Россию западных институтов, настаивают на необходимости сильного государства. Вместе с тем по ряду параметров «властный» консерватизм отличается от левой и правой его разновидностей. Так, и социал-, и национал-консерваторы являются традиционалистами (хотя и трактуют российскую традицию по-разному), тогда как «партии власти» в значительной степени чужда и традиция вообще, и традиция отечественной консервативной мысли в частности. При том что представители российского политического класса нередко апеллируют к Ильину, П.А.Столыпину и С.Ю.Витте, за этим «нет выстроенного, отрефлексированного видения русской политической истории»⁷⁶. Идеология нынешней «партии власти», в отличие от мировоззрения «красных» или «белых» патриотов, формировалась конструктивистским образом и, в сущности, целиком создана кремлевскими политтехнологами.

⁷⁶ Морозов 2000.

В противовес правым и левым консерваторам, чьи идеалы лежат главным образом в прошлом (дореволюционном или советском), бюрократический консерватизм «не склонен к ретроутопизму, к ностальгии по временам Российской империи или Советского Союза; он делает акцент... на позитивных возможностях сегодняшнего дня и стремится к сохранению status quo»⁷⁷. Можно вполне согласиться с журналистом Ю.С.Соломоновым, по мнению которого «властный» консерватизм — «это и рефлексивное сбережение собственной власти, философия ее удержания»⁷⁸.

⁷⁷ Мантиков 2012: 50.

⁷⁸ Соломонов 2011.

Образ российской идентичности, предстающий взору читателя программных документов «Единой России», базируется на нескольких идеологемах. Прежде всего, утверждается, что Россия — самобытная цивилизация, отличающаяся от западной. Соответственно, она не может механически копировать западные политические институты, ее политическое устройство должно быть суверенным выбором российского народа, соответствовать его ментальности, ценностям, традициям⁷⁹. Бюрократическому консерватизму свойственны государственнические установки как во внешнеполитической, так и во внутривнутриполитической сфере: с одной стороны, прокламируется, что Россия призвана выступать в качестве великой державы на международной арене, с другой — что государство в нашей стране должно играть важную роль

⁷⁹ Сурков 2006.

⁸⁰ См. План Путина на 2007, Россия 2009.

в регулировании общественных и экономических процессов⁸⁰. Тем самым подводится идеологическая база под формирование авторитарно-патерналистской социальной модели.

Эти черты властного консерватизма отчетливо проявились во второй половине 2000-х годов, когда в идеологии «партии власти» все явственнее зазвучали державно-патриотические и антизападные ноты. В 2006 г. в основу идеологии «Единой России» была положена теория «суверенной демократии», постулировавшая необходимость защиты и укрепления суверенитета России и направленная против вмешательства Запада во внутренние дела РФ. Концепты «суверенной демократии» и цивилизационной самобытности России нашли отражение в предвыборной программе ЕР 2007 г. «План Путина — достойное будущее великой страны», где декларировалось: «Реализуя стратегию качественного обновления страны на принципах суверенной демократии, мы исходим из неотъемлемого права свободного российского народа самостоятельно определять свою историческую судьбу, распоряжаться национальным достоянием в интересах всей нации, каждого гражданина». О России в документе говорилось как об «уникальной цивилизации», кроме того, в нем в позитивном контексте использовалось слово «держава»: «Наша стратегическая цель — строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации»⁸¹.

⁸¹ План Путина 2007.

«Суверенная демократия» предполагает, что демократические институты должны не заимствоваться, а органически вырастать из национальной почвы. Вполне в духе этих идей экс-председатель Высшего совета «Единой России» Б.В.Грызлов утверждал, что истоки отечественной «суверенной демократии» восходят к сословно-представительным учреждениям XVI—XVII вв. — Земским соборам. По словам Грызлова, «наши Соборы не противостояли царской власти, как Сеймы и Ландтаги на Западе, а дополняли ее своими властными полномочиями... Наши предки нашли и освоили этот путь еще 400 лет назад, и в этом — уникальность русской демократии, русская придумка. Именно самодержавное народовластие или, если перевести это с русского языка на иностранный, суверенная демократия есть самая исторически свойственная вещь для России»⁸².

⁸² Цит. по: Родин 2011.

По мнению номенклатурных консерваторов, отстаиваемый либеральной оппозицией западный путь развития для России неприемлем. Этот путь, пишет, например, один из видных единороссов А.К.Исаев, «вреден и ошибочен. Пойдя по нему, Россия не сможет сохраниться как единое государство. Только занимая положение между Востоком и Западом, сохраняя свой уникальный евразийский статус, объединяя народы, исповедующие разные религии, Россия сможет реализовать себя в современном мире»⁸³.

⁸³ Исаев 2013.

При этом «властным» консерваторам совершенно чужд русский национализм; напротив, они подчеркивают, что Россия — полиэтничная

и поликонфессиональная страна. Внимания заслуживает и то обстоятельство, что единороссы отстаивают преемственность российской истории и не оценивают однозначно негативно ни один из ее периодов.

Следует отметить, что многие установки нынешнего официально-консерватизма (государственничество, российская самобытность, антизападничество, апелляция к авторитарно-этактистским аспектам отечественной традиции) сближают его с российским государственно-охранительным консерватизмом XIX столетия. В обоих случаях главным объектом «охранения» выступает существующее государство. Параллель между двумя течениями консерватизма можно усмотреть и в том, что, подобно консерваторам-охранителям середины позапрошлого века, стремившимся оградить Россию от проникавших из Европы либеральных и революционных идей, нынешние «властные» консерваторы защищают российскую государственность от «идушей с Запада» угрозы «оранжевой революции».

* * *

Итак, мы проанализировали основные течения современного отечественного консерватизма и сложившиеся в их рамках модели российской национальной идентичности. Естественно, возникает вопрос: может ли новая российская идентичность быть сформирована в рамках консервативной парадигмы? Нынешняя популярность консервативных установок в российском обществе, казалось бы, говорит в пользу положительного ответа. Однако ни одна из рассмотренных выше версий консерватизма не способна предложить убедительный и приемлемый для большинства образ российской идентичности. Все получившие относительно широкое распространение в нашей стране варианты консервативной идеологии (левый, национал-патриотический и «властный» консерватизм) страдают заметной односторонностью и далеки от просвещенного консерватизма.

В частности, постоянная обращенность к прошлому и своеобразный ретроутопизм, присущие отечественному социал- и национал-консерватизму, характерны скорее для реакционно-романтической идеологии, чем для аутентично консервативной. Пафос истинного консерватизма, отмечает директор департамента стратегического планирования ХДС К.Прешле, «заключен в охранении и сохранении того, что имеет вневременную ценность»⁸⁴; прошлое как таковое, безотносительно к тому, как оно соотносится с вечными ценностями, защищают реакционеры.

Очевидно также, что современный российский консерватизм не может быть сконструирован по лекалам прошлого или позапрошлого века. Ведь консерватизм (как и любое другое идейно-политическое течение) — это «не просто раз и навсегда данный комплекс идей и доктрин, а определенное отношение к действительности, к тенденциям общественного развития, подвергающееся более или менее

⁸⁴ Цит. по: Карцов 2002: 15.

⁸⁵ Гаджиев 1990: 6.

существенным изменениям в зависимости от конкретных исторических условий»⁸⁵.

Представляется, что фундаментом современного российского просвещенного консерватизма могло бы послужить «веховско»-«новоградское» направление консервативной мысли, для которого абсолютной ценностью является человеческая личность. Тем более что и русская классическая литература (Пушкин, Толстой и др.), и русская философская мысль (от ранних славянофилов и Соловьева до «Вех» и «Нового Града») призывают не к чему иному, как к уважению человеческой свободы и достоинства. А появление в России популярной идеологии просвещенного (либерального) консерватизма, несомненно, способствовало бы формированию новой национальной идентичности, основой которой стала бы российская культура.

Библиография

- Аксаков** К.С. 2012. Простой народ — разумная стихия России: передовые статьи из газеты «Молва» // *Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология*. — М.
- Бабурин** С.Н. 1999. *Российский путь: накануне выбора*. — М.
- Белов** Ю. 2010. Антисоветизм против исторической памяти // *Правда*. 08—11.10.
- Веллмер** А. 1991. Модели свободы в современном мире // *Социологос: Общество и сферы смысла*. Вып. 1. — М.
- Гаджиев** К.С. 1990. *Консерватизм: современные интерпретации*. — М.
- Гусев** В.А. 2001. *Русский консерватизм: основные направления и этапы развития*. — Тверь.
- Данилевский** Н.Я. 1995. *Россия и Европа*. — СПб.
- Евразийство**. 1999 // *Политическая история русской эмиграции, 1920—1940 гг.: Документы и материалы*. — М.
- Зюганов** Г.А. 1993. *Драма власти*. — М.
- Зюганов** Г.А. 1995. *Россия и современный мир*. — М.
- Зюганов** Г.А. 1997. *География победы. Основы российской геополитики*. — М.
- Зюганов** Г.А. 2007. *И вечный бой! Отстоим русскую культуру — спасем Россию*. — М.
- Ивашов** Л.Г. 2013. *Я горд, что русский генерал*. — М.
- Ильин** И.А. 1992. *Наши задачи*. Т. 1. — М.
- Исаев** А.К. 2013. С кем и о чем готова спорить «Единая Россия» // *Независимая газета*. 08.02.
- Кара-Мурза** С. 2012. Наука становления // *Завтра*. № 51.
- Карцов** А.С. (ред.) 2002. *Консерватизм и либерализм: история и современные концепции*. — СПб.
- Киреевский** И.В. 1997. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // *Антология мировой политичес-*

кой мысли. Т. III: *Политическая мысль в России, X — первая половина XIX в.* — М.

Леонтьев К.Н. 1912. *Собрание сочинений*. Т. 5. — М.

Мантиков Б.А. 2012. Консерватизм в постсоветской России: между ностальгией и утопией // *Полития*. № 1.

Меньшиков М.О. 1991. *Из писем к ближним*. — М.

Миняйло А. 2013. «Без Бога ни до порога...» // *Завтра*. № 12.

Мир России — Евразия: Антология. 1995. — М.

Морозов А. 2000. Политический консерватизм и церковный опыт // *Независимая газета*. 18.10.

Нарочницкая Н.А. 2003. *Россия и русские в мировой истории*. — М.

Нарочницкая Н.А. 2013. *Русский код развития*. — М.

Никитин В.С. 2012. России нужен Русский Лад // *Правда*. 11—12.12.

Новый Град. 1931 // *Новый Град*. № 1. — Париж.

Осипов В.Н. 2004. К оценке социальной стороны русской цивилизации // *Национальные концепции социализма и судьбы России*. — М.

Пайпс Р. 2008. *Русский консерватизм и его критики*. — М.

Панарин А.С. 1997. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века // *НГ-Сценарии*. 15.05.

Панарин А.С. (ред.) 1999. *Философия истории*. — М.

Панарин А.С. 2000. *Искушение глобализмом*. — М.

План Путина — достойное будущее великой страны: Предвыборная программа партии «Единая Россия». 2007 (<http://er.ru/gubr.shtml?110099>).

Поляков Л.В. 2012. К изучению российского консерватизма: история и метод // *Полития*. № 4.

Предисловие к сборнику «Исход к Востоку». 1999 // *Политическая история русской эмиграции, 1920—1940 гг.: Документы и материалы*. — М.

Распутин В.Г. 2012. *Эти 20 убийственных лет*. — М.

Родин И. 2011. Суверенную демократию придумал Иван Грозный // *Независимая газета*. 28.04.

Рормозер Г. 1996. *Кризис либерализма*. — М.

Россия: сохраним и приумножим! Программный документ партии «Единая Россия». 2009 (<http://old.er.ru/text.shtml?10/9535,110030>).

Самарин Ю.Ф. 1877. *Сочинения*. Т. 1. — М.

Сергеев С. М. 2010. *Пришествие нации?* — М.

Солженицын А.И. 1995. «Русский вопрос» к концу XX века. — М.

Солженицын А.И. 1996. *Бодался теленок с дубом*. — М.

Солженицын А.И. 1998. *Россия в обвале*. — М.

Соловьев В.С. 1989а. Национальный вопрос в России // **Соловьев** В.С. *Сочинения*. Т. 1. — М.

Соловьев В.С. 1989б. Византизм и Россия // **Соловьев** В.С. *Сочинения*. Т. 2. — М.

- Соловьев** Э.Г. 1997. У истоков российского консерватизма // *Полис*. № 3.
- Соломонов** Ю.Б. 2011. Самопровозглашенная ориентация на консерватизм // *Независимая газета*. 12.10.
- Степун** Ф.А. 1999. *Чаемая Россия*. — СПб.
- Сурков** В. 2006. *Национализация будущего* (http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_budushego/).
- Трубецкой** С.Н. 1925. Мы и другие // *Евразийский временник*. Кн. IV. — Берлин.
- Устрялов** Н.В. 1999. *Patriotica // Политическая история русской эмиграции, 1920—1940 гг.: Документы и материалы*. — М.
- Устрялов** Н.В. 2003. *Национал-большевизм*. — М.
- Федотов** Г.П. 1992а. Федерация и Россия // *Федотов Г.П. Судьба и грехи России*. Т. 2. — СПб.
- Федотов** Г.П. 1992б. Россия и свобода // *Федотов Г.П. Судьба и грехи России*. Т. 2. — СПб.
- Фроянов** И.Я. 2007. *Уроки Красного Октября*. — М.
- Холмогоров** Е. 2006. *Русский националист*. — М.
- Цимбаев** Н.И. 1986. *Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века*. — М.
- Шафаревич** И. 2005. Будущее России // *Завтра*. № 7.
- Шестаков** С.А. 2003. *Политический консерватизм в постсоветской России*. — М.